

Дети и презренный металл

Израильские впечатления

Дети и деньги — тема деликатная. В советское время говорить с детьми о деньгах было не принято, и выросшие дети, с которыми об этом не говорили, часто не знают, воспитывая своих детей, надо ли касаться этой нечистой темы и, если надо, то как. Это там, за бугром, миром правили секс и деньги, а у нас все было по-другому. Работать за деньги вроде бы было стыдно. По крайней мере, идеологически неправильно. На БАМ, на целину ехали не за деньгами; про тех же, кто отправлялся на Север не «по велению души», а чтобы прокормить детей, говорили: «за длинным рублем поехал». Государство все даст, а копить бумажки (ведь и правда бумажки, все равно что фантики) — жлобство или буржуинство. При коммунизме, как все знали с пеленок, денег не будет вообще. В интеллигентных кругах — даже, и прежде всего, среди инакомыслящих — деньги также именовались «презренным металлом», хотя идеологическая основа такого презрения была совсем иной и довольно сложной: тут и традиционное русское уважение к бескорыстию (свойственное, разумеется, не только образованной «прослойке»), и аскетизм как следствие того же инакомыслия и беспартийности. Зачем вообще как-то относиться к субстанции, которой нет? Какие деньги, раз нет, не может быть и не должно быть собственности?

Конечно, в реальности презренный металл существовал. Люди считали деньги, копили деньги, убивали из-за денег. Отнюдь не гнушались ими и главные идеологи коммунистического рая. Но все это происходило негласно и подпольно. От трудов же праведных, как и до сих пор поговаривают одни наши соотечественники, кивая на каменные палаты других...

В результате у всего общества сложилось такое же отношение к деньгам, как у не получивших правильного воспитания подростков к сексу: поменьше брезгливости, стыдливости и болезненного интереса. Уродливое, одним словом, отношение.

Наступили новые времена. Все без исключения бывшие советские граждане потеряли невинность, причем для многих взрослых это оказалось серьезной травмой. Но речь сейчас о детях. Наши дети, с которыми мы по-прежнему то ли стесняемся, то ли не умеем говорить о деньгах, заговорили о них сами, да так, что нередко шокируют ро-

дителей: требуют дорогие наряды и машинки (не всегда игрушечные!), что-то покупают друг у друга. Школа бьет тревогу: третьекласски ходят с мобильниками, о которых не могут и мечтать учителя, процветает воровство, зависть, снобизм. В семье тоже возникают сложные вопросы: сколько карманных денег давать ребенку и давать ли вообще, как соразмерить его аппетиты с родительскими доходами, надо ли лезть из кожи вон, чтобы одевать его «не хуже других»?

Мы хотим, чтобы наши дети, что называется, знали цену деньгам, но боимся испортить их ран-

Чтобы ребенок не стал ни транжирой, ни скупердям, чтобы вырос щедрым и экономным (одно другому не противоречит!), надо дать ему возможность трудиться и получать плату за свой труд. Давным-давно приди к этой нехитрой мысли, я все пыталась найти примеры ее воплощения в жизнь и нашла самым неожиданным образом.

Первым и самым сильным впечатлением в Израиле стала сама встреча с друзьями молодости. Вот они, те же голоса, почти те же лица, кажется, я снова сижу в студенческом обще-

Миша — Дед Мороз и его подопечный Алоник

ним приобщением к прозе жизни. Вдруг они вырастут корыстными? Вдруг будут всё в жизни «мерить на деньги»?

Но деньги — вовсе не фетиш, они имеют прямое отношение к труду, они — его мера, и, если вернуть им это естественное качество, многие терзания и вопросы отпадут сами собой. Разумное, здоровое отношение к деньгам вырастает вместе со здоровым отношением к любому труду. Было бы слишком долго и неинтересно напоминать еще и о том, с какими презрением в рабоче-крестьянском государстве относились к уборщицам, почтальонам, колхозникам, санитаркам...

житии, но в окошко видны не Ленинские горы, а Иудейская пустыня.

Второе потрясение произошло за семейным обедом, когда младший сын моих друзей (пока мы не виделись, у них подросло трое детей: Асе уже двадцать три года, Сене пятнадцать, а Мише двенадцать) важно сказал:

— Папа, у нас в школе через неделю экскурсия, стоит восемьдесят шекелей, половину я оплачу сам, а вторую ты мне можешь дать?

Папа спокойно кивнул, а я раскрыла рот. Увидев мою реакцию, папа Павел объяснил:

— У нас так принято. Миша сам зарабатывает деньги и гордится тем,

что может хотя бы частично себя обеспечивать. Мы, конечно, не разорились бы, если бы оплатили всю экскурсию, но так ему приятнее. И полезнее... Они у нас все работают!

Мало-помалу, из наблюдений и расспросов, я узнала удивительные (для меня!) вещи, которыми не могу не поделиться с читателями.

Ася, старшая, начала работать с двенадцати лет. Она убирала по-

тро отказываются. Не потому, что платить собственным детям неэтично или глупо, а потому, что одно дело убирать мамин дом (нет того рвения, углы немытые остаются и вообще получается работа понарошку), — и совсем другое работать в чужом. Понятно, что для начала это не совсем чужие люди: знакомые, друзья.

Через некоторое время на Асином попечении оказался еще один

Ася работает в ресторане

пятницам, когда в ее школе не было занятий, виллу для религиозного семейства. Хозяйка уезжала, оставляла девочке ключ и вечером заставляла дома полный порядок. Платили за такую работу пятнадцать шекелей (около четырех долларов) в час.

— А как ты нашла этих людей?

— Да это мамы знакомые, через нее и нашла.

И снова я была ошарашена... Представить себе, что мой дом убирает дочка моей подруги и та ей за это платит... Или что я плачу ее дочке за уборку... Как-то дико... Теперь мне кажется, что дикарство не в этом, и я бы с радостью poslала сына мыть полы у друзей за скромную, но все же ощутимую плату.

— У нас так принято, — мама Марьяна начинает объяснения с уже привычной формулы. — Детям за труд надо платить. Люди много работают, приходят с работы поздно, приходится нанимать кого-то для уборки. Иногда мамы говорят собственному ребенку: «Знаешь, мне надоело платить чужим, лучше давай я буду платить тебе за какие-то дела по дому». Но, как правило, от этого быс-

дом. А когда ей было пятнадцать, она на летние каникулы подрядилась продавать билеты в местном бассейне. Жила она в то время в первом из подопечных домов — хозяйка уехала и поручили ей кормить и выгуливать их собаку. Для официальной работы понадобилось специальное разрешение. Чтобы получить его, ребенок (если ему уже четырнадцать лет) пишет заявление, заполняет вместе с родителями и с работодателем анкету и сдает в местное отделение министерства труда вместе со справкой от врача о состоянии здоровья. Именно это проделали сначала Ася, а потом и Сеня.

Чаще всего подростки работают в каникулярное время или по выходным: они помогают продавцам в магазине, убирают подъезды, моют посуду и обслуживают посетителей в ресторане, присматривают за малышами. Работа совсем не шуточная, плата за нее тоже не игрушечная.

С шестнадцати лет Ася, тогда ученица десятого класса, начала работать официанткой в одном иерусалимском ресторане, где работает и

сейчас, отслужив в армии и сама себе оплачивая обучение на медицинских курсах.

Сеня первый раз работал всерьез прошлым летом — помощником бармена у Аси в ресторане; он и дальше собирается подрабатывать там в пасхальные и летние каникулы. У них с Мишей есть и постоянная работа по договоренности. Каждый день они по очереди забирают из детского сада трехлетнего соседского малыша и отводят его домой, к бабушке, которой трудно самой идти за внуком по жаре. Случается, мальчишки-няньки часок-другой и сами сидят с маленьким Алоником. Детский сад работает до четырех часов дня, а мама — до семи-восьми часов, так что их помощь драгоценна. Работа эта ежедневная, очень ответственная, иногда нелегкая. За каждый день братья получают десять шекелей. Получают они и бесценный опыт: надо видеть, с какой любовью мальчишки относятся к своему питомцу и как он им радуется!

Мне стало интересно, как же дети распоряжаются своим заработком. Оказалось, они ведут себя практически одинаково. Поначалу все покупают игрушки и игры, сладости, разные пустяки, но очень скоро переключаются на более существенные вещи: модную одежду, обувь. Ася в пятнадцать лет на свои деньги поехала с родителями в Россию. В прошлом году оба брата, сестра и отец купили в складчину компьютер. Дети сами покупают себе школьные вещи: учебники, ранцы и прочее.

Но не слишком ли рано обретают они все эти деловые навыки? Не превращаются ли в маленьких дельцов? Судите сами: когда у меня сломалась моя старенькая «мыльница», Сеня не позволил мне купить одноразовый аппарат, а с огромным удовольствием заплатил за него сам. А Ася два раза в неделю, помимо работы и учебы, находит время на несколько часов приходить в детский сад для больных детей — она занимается там с мальчиком-аутистом и девочкой с задержкой психического развития. Это волонтерская работа.

Молодежные биржи труда есть и у нас, но, во-первых, их очень и очень мало; во-вторых, там, как правило, стараются не брать подростков; в-третьих, предлагают только очень тяжелую и очень плохо оплачиваемую работу. Не существует и надежной юридической базы использования детского труда. Нет, решительно, наши дети не рискуют запачкать руки презренным металлом!

Наталья Машер